

Обращение *девушка!*: «скрытая память» русского языка

© Т. В. ВЕРНИКОВСКАЯ,
кандидат филологических наук

В данной статье дается определение «скрытой памяти» языка и в качестве примера этого явления анализируется неосознаваемая говорящими по-русски связь между старым и современным значением и употреблением слов из оппозиций *дева: дево!* и *девушка: девушка!*

Ключевые слова: звательная форма, звательное слово, обращение, «скрытая память» языка, фоносемантика, диахрония, эволюция языка.

Историческое развитие какого-либо слова или формы не проходит в живом языке бесследно. Любой язык сохраняет на каждом этапе своей эволюции следы прошлых значений, которые осознанно или неосознанно для говорящих влияют на последующее функционирование той или иной единицы. Если такое влияние не ощущается носителями языка, не замечающими старых, изрядно «поистрепавшихся», частично затертых содержательных структур, то с большой долей вероятности можно говорить о том, что мы имеем дело с проявлением «скрытой памяти» языка.

Данный термин ввела в научный обиход в 2002 году Т.М. Николаева, обращая при этом внимание на то, что существует несколько видов языковой памяти – историческая, культурная, скрытая, а возможно, и другие [1. С. 25].

Используя описанные Т.М. Николаевой свойства данного явления и примеры его реализации в речи, можно определить «скрытую память» языка как разновидность языковой памяти, которая сохраняет сведения об историческом развитии тех или иных единиц и скрыто, т.е. неосознанно для говорящего и слушающего, влияет на их современное значение, строение, парадигматические связи и употребление в речи. Таким образом, в основе «скрытой памяти» языка лежит понятие «исторической памяти». Но если для одних языковых единиц, для которых характерно проявление обычной – осознаваемой – «исторической памяти», связь между диахронией (развитием языка) и синхронией (современным срезом) всегда остается видимой и даже очевидной, то для других языковых единиц, которые могут быть подвергнуты анализу с помощью понятия

«скрытой исторической памяти», такая связь оказывается незаметной и порой сильно завуалированной. В дальнейшем мы по традиции, заложенной Т.М. Николаевой, будем называть «скрытую историческую память» языка просто «скрытой памятью», поскольку в самом понятии памяти уже заложена идея историзма.

Приведем для начала несколько наиболее ярких иллюстраций проявления нескрытой «исторической памяти» языка. Это прежде всего чередование беглых гласных с нулем звука, о котором упоминает в своей статье Т.М. Николаева [1. С. 26]. Такое чередование прекрасно осознается всеми носителями русского языка, поскольку наш язык помнит о существовании редуцированных гласных и на протяжении веков сохраняет видимые следы их проявления. Другой пример: названия родственников *мама*, *папа*, *баба* были созданы путем редупликации (повторения слогов), позже русский язык вспомнил об этом и позволил говорящим использовать в качестве обращений сокращенные односложные формы *ма!*, *па!*, *ба!* Данный сугубо лексический подвид исторической памяти языка определяется еще как этимологическая память [2].

Когда же изменяется форма выражения того или иного значения (утрачивается формант, происходит переразложение в структуре слова), то оппозиции между несколькими лексемами или несколькими грамматическими формами оказываются материально не выраженными и перестают осознаваться говорящими. Однако при этом на долгие века может сохраняться содержательное различие между данными единицами, которые из-за него по-разному функционируют в речи, – в таком случае проявляется «скрытая память» языка. Одним из примеров действия «скрытой памяти» русского языка и является употребление в речи звательного слова *девушка!*

Не раз говорилось о том, что обращение *девушка!* используется слишком широко – так принято окликать и молодых, и пожилых женщин. И это несмотря на то, что сама по себе лексема *девушка* имеет намного более узкое значение, а именно: «лицо женского пола в юном возрасте» [3]. Такое широкое употребление обращения *девушка!* клеймится как неправильное, однако никакие увещания ни лингвистов, ни рядовых говорящих абсолютно не действуют на сам язык, и эта форма бытует до сих пор. Хотелось бы наконец разобраться, почему русский язык так упорствует, не предлагая взамен ни одной вариантной формы (отдельные носители русского языка пробовали возродить обращение *сударыня!*, но оно не прижилось – язык его отверг, посчитав скорее всего избыточным [4. С. 161–163]).

На наш взгляд, в данном случае явно наблюдаются две проблемы, возникновение которых следует прежде всего объяснить, а уж потом подумать, стоит ли их решать каким-то образом или оставить все как есть:

1) противоречие между лексической системой языка и референтной ситуацией (лексема с более узким значением занимает в тексте позицию, в которой предполагается единица с более широким значением), давно игнорируемое по какой-то причине русским языком;

2) упорное противоборство между языком и народом-носителем, когда ни одна из сторон по не совсем понятным причинам не хочет уступить или предложить приемлемый вариант разрешения противоречия.

Такие странные «симптомы», наблюдаемые уже не одно десятилетие, однозначно указывают на действие так называемой «скрытой памяти» языка.

Заглянув в этимологический словарь, мы легко обнаружим, что лексема *девушка* оказывается относительно молодой: она зафиксирована словарями всего лишь в первой половине XVIII века. Вместо нее раньше использовалось существительное *дева*, имевшее примерно то же значение, что и современное слово, и входившее в оппозицию со звательной формой *дево!* [5]. Причем форма *дево!* была особым образованием – в большей степени лексическим, нежели грамматическим. Вот что по этому поводу писал П.Я. Черных: «...звательный падеж употребляется в строго лексически определенных случаях: *господине, госпоже, брате, княже*, – как особенность условной фразеологии» [6. С. 148]. Иначе говоря, звательные формы никогда не распространялись в русском литературном языке на все одушевленные существительные мужского и женского рода, как это произошло в некоторых других славянских языках (в польском, чешском, болгарском, сербском). Русским звательным формам было свойственно точечное образование, они ограничивались отдельными словами, а значит, имели лексическую природу, а не грамматическую (ведь грамматическое значение характеризуется обязательностью).

В связи с этим можно с большой долей вероятности предположить, что звательные формы возникли в славянских языках задолго до разделения существительных по грамматическим родам, т.е. еще в индоевропейскую эпоху, иначе они бы охватили все единицы лексико-грамматической группы того или иного рода. К тому же, учитывая их лексическую природу, следует признать, что они были тогда не звательными формами, а особыми звательными словами, с помощью которых наши предки обращались друг к другу или к силам природы. Эти слова были непременно омонимичны тем существительным, от которых они произошли, типа *господин: господине!*, *госпожа: госпоже!* Подчеркнем, что речь идет здесь именно об омонимии, а не о многозначности, поскольку данные лексемы различались звучанием, грамматикой (одна форма звательного слова / несколько форм слова-прародителя), синтаксической функцией (обращение / подлежащее или дополнение) и могли даже иметь разный объем лексического значения.

Одним из таких звательных слов и было слово *дево!* Оно заметно отличалось от существительного *дева* не только фонетически, морфологически, синтаксически, но и лексически: если *дева* называло исключительно молодую особу женского пола, то *дево!* употреблялось по отношению к любой женщине независимо от возраста [6. С. 149]. Подобного рода расширение значения наблюдается и в других звательных словах, этот процесс называют в лингвистической литературе переходом неспециализированных обращений в специализированные обращения-релятивы [7] или прагматическим сдвигом [8]. Причем в говорах такой процесс может быть чуть ли не безгранично широким, например, с помощью однокоренного слова *девка!* рязанцы окликают не только женщин независимо от их возраста и семейного положения, но и детей любого пола, животных, насекомых и даже предметы [9. С. 10–11].

Кроме того, особая функция звательного слова *дево!* нашла выражение в звукописи, иначе фоносемантике, этого образования, что усилило его значение (о роли звукописи в отдельных грамматических формах пишет основоположник фоносемантики С.В. Воронин [10]). Вокативная флексия *-о* является созвучной междометию *о!* (варианты: *ого!*, *ого-го!*, *ого-го-о!*), с помощью такого звука удобно окликать или звать кого-нибудь [11]. По всей вероятности, этот гласный имеет значение чего-то далекого и благодаря ему одноплановый до сих пор текст получал возможность выражения перспективы: я – ближняя перспектива, собеседник – дальняя. Звук *о* использовался и в других однотипных словах: *мамо!*, *бабо!*, *дружино!* Причем в звательном слове *дево!* значение конечного лабиализованного гласного еще больше усиливалось предыдущим губным согласным, который позволяет призывно тянуть не только гласный *о*, но и весь слог *во*. Благодаря такой фоносемантике звательная функция слова *дево!* имела весьма выразительное воплощение. Скорее всего именно по этой причине оно было так популярно в прошлые века.

Однако уже в древнерусский период наш язык окончательно потерял специальную форму для звательных слов (сохранив, правда, при этом их функцию обращения), а позже вышла из употребления и лексема *дева* в своем основном стилистически нейтральном значении. Обращение *дево!* стало неактуальным и тоже исчезло. Его заменило производное звательное слово *девушка!*, омонимичное существительному в именительном падеже *девушка*. При этом новое звательное слово не утратило фонетического значения призыва к кому-то далекому: слог *ву* немного завуалированно, но все же перекликается с глаголом *звучать* и может тянуться, так как находится в заударной позиции. Такое обращение явно «пришлось по вкусу» русскому языку, поскольку он хорошо помнит об этимологической связи с однокоренными образованиями и об оппозиции *дева: дево!* Именно их место и заняли новые слова *девушка: девушка!*

Таким образом, получается, что в русском языке, согласно тогдашней тенденции развития, появились новые суффиксальные образования, вытеснившие старые лексемы, но в полном объеме унаследовавшие их прежние функции и значения. Полностью исчезло всего лишь специальное окончание звательных слов, из-за этого оппозиция *девушка: девушка!* оказалась недостаточно выразительной и почти неочевидной для носителей языка. Современное обращение *девушка!* не имеет особой флексии, но зато оно обязательно оформляется интонационно в устной речи и пунктуационно в письменной.

Кроме того, данное звательное слово обладает еще и многозначной формой множественного числа, которая только в первом значении («юные особы») является стилистически и семантически нейтральной, как в строчках из известной песни: *Скажите, девушки, подружке вашей, что я не сплю ночей, о ней мечтаю*. Однако во втором значении («женщины») обращение *девушки!* оказывается стилистически маркированным: ему присущ яркий оттенок фамильярности, нежности, игривости, заметку усиливающийся в разговоре с пожилыми женщинами. Словари отмечают, что с такой коннотацией данное обращение встречается преимущественно в женской среде [12], выполняя тем самым еще и гендерную функцию; но нам неоднократно приходилось слышать его и из уст мужчин, что еще больше усиливает его стилистическую окраску. Кроме того, звательная форма множественного числа *девушки!* оказывает влияние и на форму единственного числа, которая с той же коннотацией может употребляться по отношению к одной пожилой женщине. В этом заключается специфика парадигмы наиболее употребительных звательных слов: в ней объединяются формы, неоднородные стилистически и приобретающие дополнительные функции.

Интересной особенностью данного слова является также и то, что многократно повторенное в той или иной группе лиц, оно начинает играть роль прозвища и употребляется в функции подлежащего, например: *А девушки уже посели по лавочкам* (м., 73 года, о пожилых дамах). Таким образом, мы наблюдаем двусторонний процесс: референтное существительное изменяет свое значение и стилистическую окраску и становится звательным словом, которое, полностью или частично сохраняя свое приобретенное значение и стилистику, переходит вновь в ряд существительных.

Самым важным во всем этом оказывается то, что русский язык не видит в данном звательном слове никакого противоречия: во-первых, сохранена преемственность между поколениями лексем, которые по-прежнему входят в оппозицию «референтное существительное: звательное слово»; во-вторых, остались те же значение и функция; в-третьих, имеется интонационная и пунктуационная маркировка более специфического элемента оппозиции *девушка!*; также присутству-

ет фоносемантическое значение обращения и образована парадигма нейтральных и стилистически окрашенных форм – все обоснованно, красиво и системно.

Вот русский язык и сопротивляется странному на его взгляд желанию народа-носителя обновить перечень обращений, ввести еще какие-то звательные слова. К примеру, вернуть архаичное обращение *сударыня!*, которое плоховато вписывается в современную словообразовательную систему русского языка (у него мало однокоренных «родственников») да и не создает оно сейчас, как это было раньше, оппозиции между референтным существительным и звательным словом (мы не говорим: *к вам пришла одна сударыня*, скорее: *к вам пришла одна дама*), т.е. эта лексема претендует всего лишь на роль обращения. И здесь нужно сформулировать важную в данном случае универсалию, характерную для центральных форм вокатива не только русского языка, но и других славянских: если имеется звательное слово, то имеется и омонимичное ему референтное существительное, поскольку специализированные обращения-релятивы, как обоснованно замечает В.Е. Гольдин, рекрутируются из числа неспециализированных [9. С. 89]. Не подчиняются этому правилу исключительно периферийные формы релятивов типа *голубчик!*, *браток!*, *дружнице!*

Обращение *сударыня!*, претендуя на роль основного звательного слова, грубо нарушает это правило, причем нарушает неоправданно, не давая ничего взамен. Поэтому оно оказывается избыточным и остается элементом индивидуального стиля говорящего, характеризуя его либо как старомодного человека (этакого героя тургеневских романов), либо как несколько наивного и самоуверенного, желающего вмешаться в общенародное достояние и навязать всей нации свое чувство языка и свою манеру общения. А ведь хорошо известно, что какие бы то ни было излишние новообразования, ломающие системность одного или нескольких языковых уровней, поначалу используются в речи как игрушка для молодежного сленга и/или публицистики, но затем обычно отвергаются языком. В этом контексте становится понятно, почему обращения *девушка!* и *молодой человек!* с такой легкостью заменяются обращениями *женщина!* и *мужчина!*, которые оказываются даже не очень благозвучными из-за шипящих [13] и не нравятся многим носителям русского языка, но все равно часто встречаются в нашей речи как стилистически и семантически нейтральные звательные слова.

Считается, что наиболее обидно слышать в свой адрес обращение *девушка!* пожилым женщинам, работающим в сфере обслуживания. Объясняется это исключительно противоречием между реальным возрастом женщины и теми возрастными характеристиками, которые заложены в лексеме *девушка* будь то в роли существительного или звательного слова [4. С. 157].

Кроме того, за прилавком может стоять не только девушка, но и хозяйка (в современной ситуации: опытный специалист).

Из всего сказанного становится очевидным, что проблема слишком широкого употребления обращения *девушка!* волнует только самих говорящих по-русски, а для языка в целом это вовсе не является проблемой. А все потому, что русский язык хорошо помнит, как была раньше устроена его сложнейшая система, по каким правилам она эволюционирует и сохраняет традиции и преемственность в своем развитии. Мы же в силу временной ограниченности существования оказываемся не в состоянии об этом помнить и даже с трудом можем «докопаться» до такого знания, поэтому нам следует быть хотя бы немного более чуткими не только друг к другу, но и к нашему родному языку, который всегда подскажет приемлемый выход из любой ситуации.

Литература

1. Николаева Т.М. «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы // Вопросы языкознания. 2002. № 4.
2. Апресян Ю.Д. Этимологическая память слова // Апресян Ю.Д. Избр. труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 171–172.
3. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М., 2000. С. 119.
4. Формановская Н.И. Культура общения и речевого поведения. М., 2010.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. М., 1994. Т. I. С. 235.
6. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. Минск, 1952.
7. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. М., 2009 (1987). С. 109.
8. Бурас М.М., Кронгауз М.А. Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 128–130.
9. Гольдин В.Е. Этикет и речь. М., 2009 (1978).
10. Воронин С.В. Основы фоносемантики. М., 2006 (1982). С. 110–111.
11. Шаронов И.А. Междометия в речи, тексте и словаре. М., 2008. С. 35.
12. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2001. С. 131.
13. Журавлев А.К. Фонетическое значение. Л., 1974. С. 135.

*Минский государственный
лингвистический университет*